

A detailed illustration of a woman with long, flowing brown hair, wearing a steampunk-style outfit with a silver corset, leather harness, and a blue skirt. She is looking down and to the right, with her hand near her waist. The background features a vast, mountainous landscape with a winding river, a small village, and snow-capped peaks under a cloudy sky. In the foreground, there are yellow wildflowers.

**Сказка: Стальные
цветы на руинах мечты**

Александр Восьмой

Александр Восьмой

Сказка: Стальные цветы на руинах мечты

<https://litres.ru/74303343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стальные цветы на руинах мечты. После великой войны мир покрылся металлом: цветы стали стальными, реки — потоками расплавленного железа, а воспоминания — острыми осколками прошлого. Девушка, способная оживлять металл, пытается вырастить хоть один настоящий цветок среди руин. Её борьба — это тихий протест против мира, забывшего, что такое красота.

Александр Восьмой

Сказка: Стальные цветы на руинах мечты

Глава 1. «Город, где сталь поёт о потерянном солнце»

Свинцовое небо давило на город, будто хотело смять его окончательно — будто и без того мало было того, что осталось от прежней жизни. Руины вздымались ввысь, как гигантские рёбра какого-то древнего исполина, давно забытого, но всё ещё внушающего трепет. Километровые каркасы высоток, некогда гордых и сияющих, теперь стояли чёрными скелетами, пронзая тучи острыми обломками. Между ними тянулись бесконечные ленты эстакад, петляя, как стальные змеи, а внизу, в лабиринтах обрушившихся переходов, клубился серый туман, пахнувший ржавчиной и пылью.

Мия шла по узкой полосе уцелевшего тротуара, стараясь не смотреть вверх — от этого кружилась голова, и казалось, что небо вот-вот рухнет ей на плечи. Её пальцы то и дело скользили по шершавой поверхности металла, словно она пыталась нащупать в нём хоть каплю тепла. И вдруг...

Металл отозвался.

Не звуком, не вибрацией — а чем-то глубже. Будто внутри стальной балки, толщиной с её руку, шевельнулось что-то

давно уснувшее. Мия замерла, прижав ладонь к холодному боку колонны. В груди ёкнуло, как будто её собственное сердце нашло отклик в этом мёртвом материале. Она не знала, что это значит, но чувствовала: металл её слышит.

Ветер пронёсся между башнями, и сталь запела. Это был не мелодичный звон, а низкий, протяжный гул, похожий на стон. Он прокатился по руинам, отражаясь от стен, множась, сливаясь в единую песню — горькую, тяжёлую, полную утраты. Мия закрыла глаза, позволяя звуку пройти сквозь неё, и вдруг поняла: это не просто шум ветра. Это голоса прошлого, запертые в металле. Каждый шов, каждый стык, каждая балка хранила в себе отголоски тех дней, когда город жил, дышал, смеялся.

Она двинулась дальше, туда, где среди обломков виднелось что-то странное. Пробираясь сквозь завалы, Мия осторожно переступала через покореженные листы железа, обходила острые осколки стекла, которые сверкали, как застывшие слёзы. И вот, наконец, она увидела его.

Крошечный росток.

Он пробился сквозь трещину в бетонной плите, упрямо раздвигая металл тонкими зелёными нитями. Его листья были едва заметны, полупрозрачные, дрожащие от каждого дуновения ветра. Но он был живым. Настоящим. Среди всей этой стальной пустыни он казался чудом — крохотной искрой, способной разжечь пламя.

Мия опустилась на колени, не замечая, как острые края

камней впиваются в ткань её плаща. Она протянула руку, едва касаясь хрупкого стебелька, и прошептала:

— Ты сможешь. Ты обязательно сможешь.

И в этот момент стала вокруг неё снова вздохнула. Но теперь в этом звуке было не только горе — в нём слышалось что-то ещё. Надежда. Тихий, едва уловимый намёк на то, что даже в самом холодном и мёртвом мире может найтись место для жизни.

Город молчал, прислушиваясь к её дыханию. Гигантские руины, казалось, склонились над ней, словно хотели разглядеть эту крошечную искру. На фоне километровых каркасов её ладонь выглядела меньше песчинки, но именно в ней таилась сила, способная изменить всё. И пусть пока это был всего лишь один росток — он стал началом.

Мия улыбнулась, впервые за долгое время почувствовав, как внутри разливается тепло. Она поднялась, бережно прикрыв росток от ветра куском уцелевшей ткани, и посмотрела на бескрайние руины. Впереди лежал путь — длинный, трудный, полный опасностей. Но теперь у неё была цель.

Вырастить цветок. Настоящий. Живой. Среди стали и пепла.

И пусть весь мир забыл, что такое красота — она напомнит ему.

Глава 2. «Мост из осколков: путь сквозь эхо войны»

Мост висел над пропастью, будто вырванное ребро испо-

линского зверя, забытого временем. Его пролёты, некогда гладкие и стремительные, теперь зияли прорехами, а тросы свисали, как порванные жилы. Внизу, в глубине, клубилась мгла — не просто тьма, а густая, осязаемая пустота, в которой тонули даже отголоски шагов. Казалось, сама земля отвернулась от этого места, оставив его на растерзание ветру и памяти.

Мия ступила на первый пролёт, и металл отозвался глухим, тяжёлым гулом — будто мост не хотел её пускать. Каждый шаг отдавался вибрацией, пробежавшей по всему каркасу, и в этих вибрациях слышалось что-то большее, чем просто скрип стали. Это были голоса. Эхо войны, застывшее в швах и заклёпках. Мия не разбирала слов, но чувствовала интонации: крики, приказы, мольбы, последние вздохи тех, кто когда-то бежал по этому мосту, надеясь спастись.

Она шла медленно, прижимая к груди свёрток с ростком — единственным живым существом в этом мёртвом мире. Ветер хлестал по лицу, срывая капюшон, и швырял в глаза колючую пыль, похожую на измельчённые воспоминания. По краям пролёта торчали острые осколки металла, тускло поблескивавшие, словно зубы. Мия обходила их, стараясь не задеть: она знала, что любая царапина здесь может стать роковой — не из-за раны, а из-за того, что сталь будто жаждала крови, чтобы пробудить ещё больше призраков.

На середине моста, там, где пролёт провисал особенно сильно, она замерла. Перед ней лежала гряда обломков, пре-

гражданя путь. Но среди ржавых пластин и скрученных балок что-то двигалось. Что-то маленькое, упорное, не желающее сдаваться.

Это был кот.

Не живой, конечно, — механический, собранный из разнородных деталей, будто кто-то в отчаянии пытался вернуть себе частичку тепла, соединив всё, что нашлось под рукой. Его корпус был из потемневшей меди, лапы — из шарниров и пружин, а глаза — два крошечных кристалла, мерцавших тусклым янтарным светом. Он пытался проползти через завал, цепляясь когтями-крючками за металл, и каждый его рывок отзывался жалобным скрежетом.

— Эй, — тихо позвала Мия, не зная, слышит ли он вообще.

Кот замер, повернул голову с неестественно плавным движением, и его кристаллы на мгновение вспыхнули ярче. Он смотрел на неё так, будто пытался прочесть в её лице ответ на какой-то древний, давно забытый вопрос.

— Ты застрял, — сказала Мия, опускаясь на колени и осторожно разбирая обломки. Металл под её пальцами снова дрогнул, но на этот раз не от чужого прошлого, а от её прикосновения. Она чувствовала, как сталь чуть-чуть смягчается, словно вспоминая, что может быть не только оружием, но и опорой.

Когда последний кусок железа был убран, кот неуверенно шагнул вперёд, замер, будто проверяя, не ловушка ли это,

а потом ткнулся холодным медным лбом в её ладонь. Это было странно — ощущать вибрацию вместо тепла, слышать тихий гул шестерёнок вместо мурлыканья. Но в этом звуке было упрямство. Жизнь, собранная по кусочкам.

— Пойдём, — сказала Мия, выпрямляясь и крепче прижимая к себе свёрток. — Нам нельзя здесь задерживаться.

И они двинулись дальше — девушка и механический кот — по качающемуся пролёту, над бездной, которая, казалось, только и ждала, чтобы поглотить всё, что ещё дышит. Мост стонал под их шагами, и эхо войны шептало вслед: «Остановись. Здесь нет пути». Но Мия не слушала. Она знала: путь есть. Даже если он состоит из осколков.

Когда они наконец ступили на противоположный берег, Мия обернулась. Мост, освещённый тусклым закатом, казался теперь не просто руиной, а шрамом на теле мира — глубоким, уродливым, но свидетельствующим о том, что когда-то здесь была сила, способная соединять берега. И если сталь могла хранить эхо прошлого, значит, она могла хранить и надежду.

Кот тихо щёлкнул шестерёнками, будто соглашаясь, и посмотрел вдаль, туда, где за горизонтом высились новые руины — ещё выше, ещё мрачнее. Но теперь Мия была не одна. И пусть её спутник не мог дать ей тепло, он давал ей нечто не менее важное — упорство. То самое, что не позволяло сдаваться, даже когда весь мир кричал, что бороться бесполезно.

Впереди ждала новая битва. Но сейчас, стоя на краю разрушенного города, Мия впервые почувствовала: она не просто идёт по осколкам. Она собирает из них дорогу.

Глава 3. «Часовой механизм и сломанная стрелка»

Башня стояла в самом сердце мёртвого мегаполиса — одинокая, прямая, будто остриё, вонзившееся в серое небо. Она не рушилась, как остальные здания, не рассыпалась на обломки: она застыла, словно сама была частью остановившегося времени. Её стены были покрыты сложным узором из металлических пластин, напоминавших чешуйки гигантского дракона, а наверху, пронзая тучи, возвышался купол с циферблатом — таким огромным, что на его фоне человек казался песчинкой, случайно попавшей на полотно вечности.

Мия подошла ближе, и её шаги растворились в тишине, которая здесь была не просто отсутствием звуков, а чем-то плотным, почти осязаемым. Механический кот шёл рядом, его шестерёнки тихо щёлкали, будто пытались нащупать ритм этого безмолвного города. Но даже его мерный звук не нарушал странной, мёртвой гармонии башни.

Циферблат нависал над Мией, как приговор. Две стрелки — толстые, тяжёлые, отлитые из тёмной стали, — замерли ровно на одиннадцати пятидесяти девяти. Не хватало одного удара, чтобы время сдвинулось с места, но именно этого удара не было уже много лет. Мия подняла голову, всматриваясь

в детали: по краю циферблата тянулись тонкие гравировки, похожие на застывшие слёзы, а в центре, там, где сходились стрелки, виднелся круглый замок — сложный, многоступенчатый, будто созданный, чтобы не пускать внутрь ни любопытство, ни надежду.

— Ты думаешь, сможешь его завести? — тихо спросил кот, его голос звучал как скрежет мелких шестерёнок, но в нём слышалось беспокойство.

Мия не ответила. Вместо этого она протянула руку и коснулась металлической пластины у основания башни. Сталь отозвалась — не сразу, а будто сначала удивилась, потом вспомнила. По поверхности пробежала едва заметная рябь, словно металл стряхивал с себя годы неподвижности.

Внутри башни что-то щёлкнуло.

Звук был таким громким, что Мия вздрогнула. Он прокатился эхом по пустым этажам, отразился от стен и вернулся обратно, усиленный и искажённый. Где-то глубоко в недрах здания зашевелились механизмы. Шестерни, размером с дом, застонали, пробуждаясь от долгого сна.

Мия пошла вдоль стены, пока не нашла вход — тяжёлую дверь, покрытую слоями ржавчины и пыли. Она толкнула её, и та поддалась с протяжным скрипом, будто не хотела выпускать наружу то, что хранилось внутри. За дверью началась винтовая лестница, уходящая вверх, теряясь в полумраке. Каждая ступенька была отлита из цельного металла и звенела под ногами, как натянутая струна.

Поднимаясь, Мия чувствовала, как меняется воздух: он становился тяжелее, гуще, будто время здесь сгустилось и осело на стенах холодным инеем. На каждом пролёте висели таблички с выцветшими надписями — когда-то они, наверное, сообщали о времени, о расписаниях, о жизни, которая текла по этим коридорам. Теперь буквы сливались в неразборчивые узоры, как следы исчезнувших судеб.

Наконец она добралась до часовой комнаты.

Это было огромное помещение, почти зал, заполненный гигантскими шестернями. Они стояли неподвижно, их зубья были острыми, как лезвия, а поверхности — покрыты тонким слоем пыли, похожей на пепел воспоминаний. В центре комнаты возвышался главный механизм — массивный вал, к которому сходились все передачи. Рядом с ним, на специальной подставке, лежала одна деталь — маленькая, изящная, явно не из этого механизма. Она блестела, как капля живого света среди мёртвого железа.

Мия подошла ближе и коснулась вала. Металл под её пальцами дрогнул, и вдруг одна из шестерён медленно, неохотно повернулась. За ней — другая. И ещё. Звук нарастал: сначала тихий скрежет, потом гул, затем ритмичный стук, похожий на сердцебиение. Механизм оживал.

Но тут что-то пошло не так.

Стрелки на циферблате дёрнулись, но не двинулись вперёд — они замерли, будто натолкнувшись на невидимую стену. Мия почувствовала, как сталь вокруг неё напряглась,

словно сопротивляясь. И в этот момент она поняла: время не просто остановилось. Его удерживали. Кто-то намеренно запер этот город в одной точке — в моменте разрушения, чтобы ничто не могло измениться.

В стене, почти незаметная среди узоров, открылась маленькая дверца. Из неё вышел человек — или то, что когда-то им было. Его одежда была сшита из металлических пластин, лицо скрывала маска из полированной стали, а в руках он держал тонкую иглу, похожую на остриё секундной стрелки.

— Ты не должна этого делать, — его голос звучал странно, будто доносился сразу отовсюду и ниоткуда. — Если часы пойдут, всё изменится. А этот мир не готов к переменам.

Мия выпрямилась, не отводя взгляда.

— А если ничего не менять, он так и останется мёртвым, — ответила она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я не хочу жить в мире, где время застыло на краю пропасти.

Человек в маске чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышала она. Потом медленно опустил иглу.

— Тогда пусть будет так. Но помни: каждый удар — это не только возвращение времени. Это пробуждение боли, которую мы пытались забыть.

С этими словами он отошёл в тень и растворился в полумраке, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и ощу-

щение чьего-то долгого, тяжёлого взгляда.

Мия снова коснулась механизма. На этот раз сталь отозвалась сразу, будто ждала только этого прикосновения. Шестерни закрутились быстрее, вал пришёл в движение, и стрелки на циферблате наконец сдвинулись с места.

Тик.

Первый удар прозвучал так громко, что, казалось, расколол небо. Он прокатился по городу, проникая в каждую трещину, в каждый осколок, в каждый забытый уголок. И где-то далеко, среди руин, что-то шевельнулось — не металл, не камень, а что-то живое.

Мия улыбнулась, чувствуя, как по рукам бежит тёплая вибрация. Механический кот подошёл ближе и тихо щёлкнул шестерёнками, будто аплодировал.

Город ещё не проснулся. Но теперь у него был шанс. Время снова текло, и вместе с ним возвращалась возможность перемен. А Мия знала: если время может идти вперёд, значит, и настоящий цветок сможет вырасти среди стальных руин.

Она посмотрела на маленькую блестящую деталь, всё ещё лежавшую на подставке, и осторожно подняла её. Металл был тёплым — настолько тёплым, что это казалось невозможным. Возможно, это был ключ. Или знак. Или просто намёк на то, что даже в самом холодном механизме может найтись место для тепла.

И, крепко сжав его в ладони, Мия направилась к выходу.

Впереди её ждали новые руины, новые тайны и новые испытания. Но теперь она шла не в полной тишине. Теперь город отсчитывал секунды — и каждая из них была шагом к жизни.

Глава 4. «Площадь забытых имён»

Площадь раскинулась перед Мией, как исполинская книга, чьи страницы были выкованы из стали. Тысячи плит, уложенных ровными рядами, уходили вдаль, теряясь в серой дымке, и на каждой — вытравленные буквы, имена, когда-то звучавшие в этом городе. Теперь они лежали неподвижно, холодные и тяжёлые, будто сами слова остыли и затвердели, превратившись в металл. Ветер скользил по поверхности, шелестел по буквам, но не мог вдохнуть в них голос.

Механический кот прижался боком к ноге Мии, его шестерёнки тихо щёлкали, выдавая редкое для него беспокойство.

— Здесь слишком много тишины, — пробормотал он, будто боялся, что сама тишина может их поглотить.

Мия кивнула, не отрывая взгляда от горизонта площади. Она чувствовала: это место не просто хранит память — оно требует её. И плата будет высокой.

Она сделала первый шаг, и плита под ногой отозвалась глухим звуком, похожим на вздох. Ещё шаг — и где-то в стороне вспыхнул крошечный огонёк. Мия замерла. На краю плиты, прямо из металла, пробился стальной лепесток, тонкий, как лезвие, и мерцающий, будто внутри него пульсиро-

вал свет. Он не был живым, но в нём было нечто большее, чем холод стали — в нём была искра, отражение чьего-то воспоминания.

Мия вспомнила.

Не своё — чужое, случайно подхваченное из воздуха: имя на плите, лицо, которого она никогда не видела, но которое вдруг всплыло в сознании, словно её память на мгновение стала общей. Она вспомнила, как это имя звучало в смехе, в крике, в шёпote перед сном. И цветок вспыхнул ярче, раскрылся, обнажив острые грани, похожие на застывшие слёзы.

Но вместе с этим воспоминанием из её головы что-то исчезло. Не важное, не родное, но своё — какой-то обрывок детства, запах старой книги, которую она когда-то держала в руках. Он растаял, как туман, и Мия почувствовала лёгкую пустоту, будто из неё вытащили тонкую нитку, связывавшую её с чем-то давно забытым.

— Так вот какова цена, — тихо сказала она, опускаясь на колени и касаясь цветка кончиками пальцев. Металл был тёплым, непривычно тёплым, будто впитывал не только её силу, но и её память.

Кот тихо щёлкнул, будто пытался подобрать слова, которых у него не было.

— Ты не обязана это делать, — наконец произнёс он.

Мия покачала головой.

— Если я не вспомню их, кто вспомнит? Если я не зажгу

эти цветы, мир окончательно забудет, что такое красота.

Она встала и пошла дальше, переступая с плиты на плиту, и с каждым её шагом вспыхивали новые цветы. Они вырастали из имён, из воспоминаний, из тех историй, которые она вытаскивала из глубин своего сознания — иногда своих, иногда чужих, будто площадь сама подсказывала ей, кого нужно вспомнить. Стальные лепестки раскрывались, изгибались, отражая тусклый свет, и казалось, что площадь превращается в сад, но сад этот был соткан из потерь.

Тысячи имён сливались в единый гул, похожий на далёкий хор, который пел на незнакомом языке. Мия шла сквозь этот гул, и её голос, тихий, но упрямый, звучал как вызов. Она произносила имена вслух, и каждое имя рождало цветок, а каждый цветок забирал частичку её прошлого.

На середине площади она остановилась. Перед ней лежала плита с именем, которое она не знала, но которое почему-то отзывалось в груди острой болью. Она не могла вспомнить, кому оно принадлежало, но чувствовала, что это имя было важным — для кого-то, для целого города, для мира, который когда-то был живым.

Мия закрыла глаза и попыталась вспомнить всё, что знала о людях, живших здесь до войны. Она вспоминала истории, которые слышала в детстве, легенды, сказки, обрывки разговоров, которые когда-то казались незначительными. Она вспоминала улыбки, жесты, случайные взгляды, тёплые руки, холодные слова, смех и слёзы — всё, что могла удержать.

И площадь ответила.

Стальные цветы вспыхнули разом, как фейерверк из металла и света. Они поднимались из плит, сплетались в арки, образовывали колонны, тянулись вверх, к свинцовому небу, и казалось, что весь город на мгновение вспомнил себя. Свет был таким ярким, что даже тени от руин на миг исчезли, и площадь стала похожа на храм, воздвигнутый из памяти.

Но когда свет начал угасать, Мия почувствовала, как внутри неё разрастается пустота. Она потеряла больше, чем ожидала: обрывки снов, любимые фразы, лица людей, которых она когда-то знала. Её собственная история становилась тоньше, будто кто-то аккуратно вырезал из неё страницы.

Кот подошёл ближе и тихо ткнулся медным лбом в её ладонь.

— Ты заплатила слишком много, — прошептал он.

Мия слабо улыбнулась, стараясь не показать, как сильно дрожат её пальцы.

— Но они снова здесь. Хоть на мгновение.

Она посмотрела на сад из стальных цветов. Они не были живыми, но в них было что-то большее, чем жизнь, — в них была память. И пусть они не могли пахнуть, не могли шелестеть на ветру, как настоящие цветы, но они напоминали о том, что когда-то этот мир умел быть красивым.

Ветер снова скользнул по площади, и на этот раз он не был безмолвным. В его шелесте слышались имена, тихие, едва уловимые, но настоящие. Площадь дышала.

Мия сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух царапает горло, и подняла голову. Впереди, за садом из стальных цветов, высились руины огромного здания — когда-то это был центр города, его сердце, его голос. Теперь оно молчало, но Мия знала: молчание можно разбудить.

— Пойдём, — сказала она, выпрямляясь и крепче сжимая кулаки. — Мы ещё не закончили.

Кот щёлкнул шестерёнками, соглашаясь, и они двинулись вперёд, мимо тысяч имён, мимо сада из стальных цветов, мимо воспоминаний, ставших видимыми.

Площадь затихала за их спинами, но гул имён ещё долго звучал в ушах Мии, напоминая ей о цене, которую она заплатила, и о том, ради чего она это сделала. Красота в этом мире была не просто украшением — она была оружием. И Мия научилась им пользоваться.

Глава 5. «Фабрика, где куют тишину»

Фабрика лежала на окраине мёртвого города, словно гигантское спящее чудовище, чьи рёбра — это стальные балки, а жилы — ржавые конвейеры. Её цеха тянулись на километры, теряясь в серой дымке, и казалось, что у этого места нет ни начала, ни конца — только бесконечная повторяемость форм, будто весь мир был сведён к одному-единственному шаблону. Над зданием нависали массивные трубы, когда-то извергавшие дым, а теперь молча смотревшие в небо, как стволы безмолвных пушек.

Мия остановилась у входа — огромных ворот, похожих на пасть, готовую поглотить любого, кто осмелится войти. Механический кот тихо щёлкнул шестерёнками, будто прислушивался к тишине, которая здесь была не просто отсутствием звуков, а чем-то плотным, почти осязаемым.

— Здесь не любят жизнь, — пробормотал он, и в его голосе слышался скрежет не только металла, но и тревоги.

Мия кивнула. Она чувствовала это каждой клеткой: фабрика не просто перерабатывала металл — она выжигала из него любые намёки на индивидуальность, превращая всё в безликие формы, в одинаковые пластины, в бесконечные рулоны стали, лишённые истории. Это было сердце нового порядка — мира, где красота считалась браком, а уникальность — дефектом.

Она толкнула ворота. Те поддались с протяжным скрипом, будто не хотели выпускать наружу даже этот звук. За ними открылся первый цех — огромное пространство, уходящее вдаль, теряющееся в полумраке. Потолки здесь были такими высокими, что казалось, будто они подпирают само небо. По всей длине цеха тянулись конвейеры, застывшие, но всё ещё хранившие в себе инерцию движения, словно фабрика могла ожить в любой момент и снова начать свою безжалостную работу.

На полу лежали груды металлических обломков — когда-то это были вещи, имевшие смысл: двери, ограды, детали машин, может быть, даже фрагменты скульптур. Теперь

всё это было свалено в бесформенные кучи, готовые к переплавке, к превращению в однородную массу, лишённую прошлого.

Мия шла вперёд, стараясь ступать как можно тише, хотя тишина здесь была такой густой, что любой звук казался криком. Её пальцы скользили по холодным поверхностям, пытаясь нащупать хоть какой-то отклик, хоть намёк на то, что металл ещё помнит, кем он был. И иногда он отзывался — лёгкой вибрацией, едва уловимым теплом, словно шептал: «Меня сделали не для этого».

В глубине цеха она увидела то, что искала, — огромный механизм, похожий на сердце фабрики. Он возвышался посреди зала, массивный, угловатый, с трубами, уходящими вверх и вниз, будто перекачивающими не жидкость, а саму суть мира. Рядом с ним, в нише, спрятанной за решёткой, стояла небольшая капсула из тёмного металла. Мия знала: внутри неё — семена. Те самые, что могли дать шанс на жизнь, на настоящий цветок, на что-то, что не будет сделано по шаблону.

Но добраться до них было непросто. Решётка была заперта сложным замком, а вокруг механизма вились датчики, похожие на стальные паучьи лапы, готовые схватить любого, кто нарушит порядок.

Мия подошла ближе, чувствуя, как воздух становится тяжелее, будто фабрика сопротивлялась самому её присутствию. Она коснулась решётки, и металл под её пальцами

дрогнул. Не от страха — от узнавания. Он помнил её прикосновение, помнил тепло, которое она могла дать.

— Ты уверена? — тихо спросил кот, прижимаясь боком к её ноге.

Мия не ответила словами. Вместо этого она закрыла глаза и сосредоточилась на том, что знала наверняка: металл не был врагом. Он был пленником. И если она сможет его разбудить, он поможет ей.

Её сила потекла по решётке, проникая в стыки, в заклёпки, в каждую молекулу стали. Металл начал меняться: не плавиться, не деформироваться — а словно вспоминать. Острые углы сглаживались, жёсткие линии становились чуть мягче, а замок тихо щёлкнул и открылся.

Решётка медленно отъехала в сторону, обнажая капсулу. Мия протянула руку и взяла её, чувствуя, как холодный металл капсулы чуть-чуть потеплел под её ладонью. В этот момент фабрика будто вздохнула — не облегчённо, а скорее удивлённо, как будто не ожидала, что кто-то посмеет нарушить её идеальный порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.